

Лариса Куренчанина

Не садитесь в незнакомую
машину

Лариса Куренчанина

Не садитесь в незнакомую машину

<https://litres.ru/74096851>

SelfPub; 2026

Аннотация

Случается, что самые обычные действия приводят к невероятным последствиям.

Думал ли Виталий, что будет обвинён в убийстве водителя, который согласился его подвезти?

Могла ли его невеста, Антонина, предположить, что ей придётся пробиваться к единственному очевидцу событий, которого упекли в сумасшедший дом?

Предвидел ли его начальник, Борислав, что проведёт отпуск, участвуя в детективном расследовании?

А всё началось с того, что Виталий сел в незнакомую машину на незнакомой планете...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Лариса Куренчанина

Не садитесь в незнакомую машину

Глава 1

«Боже мой, Лесли! Прошла целая вечность, а ты не изменился!» — так представлял себе встречу со старым другом О'Бинг-Тонч.

А что будет потом? Потом, вероятно, они сядут в его, О'Бинг-Тонча, машину — золотисто-розовый «Ксантоль» и поедут обедать. Право вести машину О'Бинг-Тонч всегда оставлял за собой, зато выбор места трапезы неизменно принадлежал Лесли.

Лесли Греттхарт, сутулый худой бородатый землянин с неsgiбаемой волей и указательным пальцем правой руки. Он повредил сустав в детстве, и когда в разговоре с кем-то держал левую руку в кармане, а правой жестикулировал, со стороны всегда казалось, что Лесли чем-то недоволен и требует устранить предмет своего недовольства.

Лесли и О'Бинг-Тонч встречались редко, да иначе и быть не могло: Греттхарт постоянно гастролировал с передвижными выставками Всеобщего союза живописцев и графиков

под лозунгом «Новую художественную культуру — народам Галактики», а О'Бинг-Тонч лишь иногда покидал свой одинокий остров в Серебряном Заливе, который сначала арендовал под небольшую соледобывающую станцию, а потом, когда станция стала процветающей, О'Бинг-Тонч выкупил остров. Место было выбрано им намеренно: Серебряный Залив назвали так из-за металлического оттенка морской воды за счёт высокой концентрации определённых соединений, добыча соли на побережье была невозможной, т.к. большая часть прибрежной зоны была высокогорной, остальная имела статус заповедной, а строить под эти цели платформу в море было нерентабельно. Островов в Заливе было довольно много, но с пригодным для жизни ландшафтом всего 4, и на трёх из них давно были организованы популярные курорты. Четвёртый, самый маленький, который занимал ныне О'Бинг-Тонч, в своё время был предметом чиновничьих споров, к какой территории он относится — береговой или шельфовой, поэтому, пока на уровне бюрократов, юристов и специалистов велась многолетняя тяжба, заповедник это или нет и что на острове можно делать, а что запрещено, О'Бинг-Тонч на законном основании и почти даром занимался мелко-промысловой добычей соли и в здешних водах был естественным монополистом.

Из морской воды качал он не только общеупотребимый натрий хлористый, но и все прочие растворимые и нерастворимые соли, какие мог, в пищевых целях смешивал их,

добываясь удивительных вкусовых ощущений и время от времени запатентовывал результаты своих химических опытов как натуральные пищевые добавки. Патентная практика приносила весьма приличный доход, однако основной заботой О'Бинг-Тонч считал выработку поваренной соли-песка, отчего называл себя пескоструйщиком. Лесли Греттхарта он ласково именовал идиологом, всякий раз употребляя букву «и» вместо положенной «е», тот, в отместку, иронично сократил его имя до О'Би.

О'Бинг-Тонч и Лесли Греттхарт были знакомы давно, со школьных времён. Семья Греттхартов только-только обосновалась по соседству с семьёй О'Бинг-Тончей на фермерском континенте планеты Джепитракс. Поставили в посёлке дом, обзавелись скотиной, получили приплод больше, чем рассчитывали, потребовалось собрать пристрой к хлеву. Лесли тогда послали закрепить на крыше последние детали конструкции, больше декоративные, чем несущие — работа простая, но кропотливая, силы не требует, только внимательности и точного соблюдения последовательности действий. Забрался мальчик на крышу, винтит, загибает, подлаживает. Видит краем глаза: внизу, с другой стороны пристройки, у низенького забора какой-то местный конопатый хулиган на простынях краской местных чёртиков рисует. Ладно, подумал Лесли, простыни не наши, пусть балуется и дальше — винтит, загибает, подлаживает. Долговязый хулиган тем временем поставил банку с краской в траву, так и эдак повертел

простыню, явно недовольный своей работой, отошёл метра на три, голову набок склонил что твой заправский художник. Нет, не хватает чего-то. И тут у Лесли сорвался масс-ключ, с визгом прокатился по противоположной стороне металлической крыши, перевернулся в воздухе и нырнул прямоком в краску хулигана. Порывом ветра простыню вывернуло точно под цветастые брызги. Лесли застыл и с ужасом глядел на хулигана. Тот, шмыгая крючковатым носом то ли от досады, то ли от злости, галопом помчался к простыне, возмущённо развернул, радостно вдохнул и повернулся к Лесли с серьёзным видом:

— В-во! То, что надо! — Стянув бывшую простыню с верёвки и подхватив банку с остатками краски и масс-ключом, он кинулся к подлеску.

— Э-эй! — крикнул вдогонку юный Греттхарт, испытав сначала облегчение, а потом недоумение.

— А! — отозвался тот, крутанувшись на бегу и мотнув банкой, предвосхищая вопрос Лесли. — Ключ верну, когда отчищу!

Что он собирался отчищать – инструмент или простыню, осталось неясным, потому что мальчишками стало не до того. Они вместе учились в школе и на удивление друг друга дополняли: продвинутый технарь О'Бинг-Тонч подтягивал Лесли в точных науках, тогда как гуманитарий «на все сто» Греттхарт переводил сверстнику-джепитраксу историю и литературу с учительского языка на понятный. В старших клас-

сах, после посещения выставки отреставрированных картин «Песком по песку» малоизвестных художников Джепитракса периода Великого Иссущения, Лесли всерьёз увлёкся живописью. Особенно он был впечатлён почти утраченной джепитракской манерой рисования по гибкой, рельефной или складчатой поверхности.

Вопреки родительскому мнению о том, что профессия должна приносить материальные плоды, а он, как старший Греттхарт, обязан продолжить фермерский бизнес родителей, который достался им на Земле от их родителей, а тем от своих, он прервал крестьянскую династию, оставив хозяйство на попечение сестры. В 16 лет Лесли поступил в художественную школу, экстерном её закончил и с похвальными результатами был рекомендован к зачислению на курс самого Йорно Виллани.

Проникнувшись духом джепитракского реализма, он и сам не заметил, что уже не копирует манеру письма, а творит в традиционном стиле что-то новое, своё. Тогда Виллани разместил его картины в местной галерее и отправил несколько работ во Всеобщий Союз живописцев и графиков, откуда получил лестную рецензию и приглашение продолжить обучение у лучших педагогов Союза с последующей возможностью преподавать по выбору и обязательством участвовать в передвижных выставках по Галактике. Греттхарт, ещё не до конца осознавая, насколько преуспел на поприще искусства, без колебаний согласился и стал, таким об-

разом, официальным представителем планеты Джепитракс в сообществе со всеми сопутствующими привилегиями и неудобствами, в числе которых была редкая возможность наведываться домой.

Итак, Лесли нёс культуру джепитракской живописи в массы, осуществляя миссию взаимообогащения культур, О'Бинг-Тонч трудился на своём соляном острове, реализуя тягу к вещественным результатам. К выбору своей профессии О'Би подошёл прагматически: ему так же, как Греттхарту не терпелось разделаться с порядком надоевшим фермерством. Но в его случае оставить налаженное предками дело означало пойти с ними на конфронтацию и полностью лишиться материальной поддержки, а он привык жить пусть экономно, но обеспеченно, поэтому требовалось найти способ быстрого и надёжного заработка. О'Бинг-Тонч смоделировал ситуацию в вероятностном эквиваленте и получил на выбор несколько непопулярных, слабо освоенных предпринимательских ниш с льготами по кредитованию, лизингу и прочими преференциями. Его выбор пал на добычу стратегический продукта – соли. Тягаться с крупными компаниями он не собирался, наоборот, удел мелкого старателя с юридической точки зрения был выгоден и ему, и солепромышленникам. Сообразив, что остров в Серебряном Заливе не сулит сверхприбылей (иначе его давно бы присвоили), зато вполне сможет прокормить, он не стал ждать, пока кто-то ещё решит так же, как он и вместо поступления на ветери-

нарный или животноводческий факультет подал конкурсную заявку на освоение острова. Предложенный им профиль добычи постоянно востребованного продукта из морской воды выгодно отличался от типичных для Джепитракса курортных или фермерских направлений. К тому же, О'Би наглядно продемонстрировал способы удешевления себестоимости соли-песка за счёт отказа от громоздких и сложных в обслуживании аппаратов непрерывного цикла в пользу трёхступенчатого метода добычи, справиться с такими установками вполне мог один человек, гарантируя не только безаварийность, но и экологичность метода. Так О'Бинг-Тонч стал арендатором острова и сумел сохранить отношения с родителями, поскольку соль – важнейший для жизни продукт — О'Би для своих поставлял, конечно же, бесплатно.

И раз в несколько лет друзья всё же встречались. На вокзале. Лесли заранее извещал друга о прибытии, прямо с перрона отправлял вещи в родительский дом, где жила сестра с мужем и детьми, садился рядом с О'Би в старый золотисто-розовый «Ксантоль» и называл место, куда ехать. Телеграмма (по привычке этот способ передачи информации именуют телеграфом) обычно от Греттхарта приходила на остров О'Би за три дня до его появления на Джепитраксе, так что О'Бинг-Тонч успевал основательно подготовиться.

Так было и на этот раз: сиренево-розовое солнце только-только начинало свой бесконечный марафон, а О'Бинг-Тонч уже возвращался с утреннего обхода своего хозяйства.

Всё как всегда — насосы качают отменно, фильтры он ещё вчера поменял, охлаждающие отстойники разделяют морскую воду на фракции своевременно, котлы низкого давления кипят круглосуточно, роботизированный конвейер пищевого продукта вертится исправно, линия упаковки, как и положено, пока простаивает. Технические соли как побочные продукты гранулируются или прессуются и автоматически складываются по номенклатуре. Освещение, вентиляция, микроклимат в помещениях — всё в норме. О'Би остался доволен и пошёл дальше.

Лаборатория... Н-да, как обычно, издевательски набрасывается на входящего хроническим беспорядком, что, к сожалению, О'Бинг-Тончу свойственно: каждый раз даёт себе слово прикупить что-то очень важное и в тот же день обязательно навести порядок и каждый раз, радостно водружая покупку на свежерасчиханное место, находит сто причин, чтобы этого не делать. А потом вычитывает в «Техническом вестнике» или получает по подписке описание супер современной новинки, которой у него ещё нет и после покупки которой-то уж точно приберётся! И так вот уже много лет. Пожалуй, лаборатория была единственны местом хаоса в продуманном и упорядоченном мире коренного джепитракса, и, как ни странно, именно этот хаос, бывало, вдохновлял О'Бинг-Тонча на идею новой соляной смеси или биодобавки.

О'Бинг-Тонч прошёлся вдоль столов в полутёмном поме-

щении с южной и западной стенами сплошь из стекла, смахнул рукой пыль и песок с длинного верстака, пнул на полу плотную желтоватую обёрточную бумагу, вздохнул и протиснулся в склад сырья. Ух, жара какая, впрочем для склада это нормально. О'Бинг-Тонч включил свет. Из-под ног шустро шмыгнуло что-то сине-зелёное и стремглав взмыло к потолку.

Как? Снова этот противный древесный порхуша забрался к нему? Кыш, негодная птица! О'Бинг-Тонч со злостью схватил метлу и прицельно метнул в присевшее между металлических стропил пернатое. Вон! Знаю, опять цианистый калий для детей ворует! Чтоб вы все им отравились, в конце концов!

Метла звонко отскочила от загудевших конструкций, птаха шумно спикировала куда-то вниз. Вот жрут же некоторые проклятый цианид и не лысеют, а от медного купороса вполне могут коньки, то есть когти откинуть. Загадка!

О'Бинг-Тонч в негодовании вышел из горячего сухого склада наружу и, глубоко вдыхая воздух побережья, прошёлся по берегу. Надо бы опять законопатить все лазейки порхуш, да что толку? Новые продолбает, не смотри, что клюв маленький — клюётся так, что искры из глаз.

О'Бинг-Тонч присел на корточки у воды и удовлетворённо посмотрел на недостроенное жилое крыло: свежеструганная широкая терраса и начатый второй этаж, покрытый временным настилом, ещё не застеклены и не отделаны, но вполне

не прилично выглядят. Пожалуй, не стыдно и Лесли пригласить, когда приедет... Решено, как тот объявится, приедем с ним сюда, а теперь пора бы позавтракать.

Настроение его в предвкушении встречи с давним другом улучшилось, он закинул руки за спину, по-хозяйски прошёлся вдоль берега к террасе, отпинывая в прибой крупные серо-голубые ракушки. Внезапно мысли его переключились на открытие нового цеха — надо будет сезонников нанимать, старый импульс-насос заменить. И пора о семье, что ли, задуматься: мать давно намекает, отец со своими шутками на эту тему допёк, хоть не показывайся у них совсем...

О'Бинг-Тонч ступил на широкие пахучие дощатые ступени, одна скрипнула, на террасе послушалось шуршание и писк. Что-о?! О'Бинг-Тонч с тревогой взбежал на террасу. Небольшая стайка сереньких птичек с короткими клювами шумно взмыла и осела неподалёку у самого прибоя. Ах ты ж, уже и гнёзда успели соорудить?!

О'Бинг-Тонч был в бешенстве — вбежал в дом в поисках того, чем можно было бы отскрести и выбросить маленькие твёрдые скользкие птичьи сооружения. Первым делом потравить всех порхуш этих к чертям, чтоб место не поганили! Давно следовало, а он всё жалел, откладывал и вот результат! О'Бинг-Тонч нашёл совок и пакет, выбежал на террасу, с усилием соскоблил тяжёленькие гнёздышки — надо же, к доскам приросли прямо! Выбежал к морю, на ходу заматывая пакет, стайка древесных порхуш взлетела и зависла

в воздухе неподалёку. Размахнулся и швырнул пакет далеко в море, пташки проводили пакет, закружились над местом, где он громко плюхнулся в воду. Ничего, пакет биоразлагаемый, к вечеру разбухнет, гнёзда сами растворятся. О'Бинг-Тонч в гнев погрозил птицам кулаком.

Срочно стекольщиков вызывать! С этой мыслью он бросился в дом, через ступеньку промчался на второй этаж и выдохнул с облегчением — сюда ещё не забрались, твари.

Ясно, завтрак отменяется. О'Бинг-Тонч, ругаясь, спустился на склад, отыскал рулон полиэтилена, нож, строительный пистолет и скобы, вернулся в дом и наскоро заделал оконные проёмы. Ничего себе, зарядочка с утра...

Прохладный душ немного успокоил, О'Бинг-Тонч, вытираясь, вышел в кухню, запустил кофемашину на двойной перечный с карамелью. В этот момент пришла телеграмма от Лесли, а минуту спустя — от департамента морских изысканий: они потеряли копию его лицензии, видите ли. О'Бинг-Тонч усмехнулся и, прихлёбывая кофе, уселся на подоконник. Жил он не бедно, но экономный хозяин виделся во всём: в старом, но всегда на ходу «Ксантоле», самодельном ветродвигателе, который превосходно дополнял генератор на солнечных батареях и аккумулировал энергию на крайний случай, в абсолютном минимуме простой практичной мебели и немодной, зато комфортной одежды. Единственное, на что он не скупился, была лаборатория и производство. О'Бинг-Тонч баловал себя новейшим оборудованием,

которое доставлял и налаживал всегда сам, несмотря на то, что на это уходили, зачастую, месяцы, и продажи соли-песка в это время, как правило, падали, а за ними и снижались и объёмы производства: по весу продукции на складе умная электроника сама решала приостановить добычу сырья и приготовление смесей. На это О'Бинг-Тонч сам себе отвечал, что должен досконально разобраться в технике, и лучше сейчас потерять сотню-другую из прибыли, чем выбросить раза в два больше на наладку и обслуживание в случае поломки. Так с ним однажды случилось, он, помнится, потерял в совокупности почти две тысячи. И с тех пор научился блестяще справляться со всем сам.

Что ж, всё пока складывается отлично, подумал О'Бинг-Тонч, наскоро споласкивая чашку и прошлёпав босыми ногами к платяному шкафу. Всё равно нужно на континент, заодно и со стекольщиками переговорить, машину обкатать — застоялась, поди, в паркинге.

Предстоит визит к чиновникам, а значит, требуется галстук. О'Бинг-Тонч открыл ящик, отобрал среди аккуратно свёрнутых галстуков три, попеременно приложил каждый к тонкой светлой рубашке с короткими рукавами, выбрал подходящий, остальные аккуратно свернул и положил на место. Достал лёгкий костюм с голубоватым отливом, с сожалением отодвинул ботинки и вынул из коробки туфли. Собрался, подхватил сумку со сменой белья и всем необходимым, которая всегда была наготове, чёрным ходом прошёл в ангар,

где в бетонированной канавке плескалась свежевыкрашенная моторка (плевать, что допотопная, зато проверенная), шагнул в неё, проверил заряд аккумулятора, остался доволен, отцепил крепёж, дал команду воротам открыться и вытолкнул лодку в море. Убедившись, что ворота закрыты и двери заблокированы, завёл мотор и, обогнув остров с запада, повернул на север, в континенту.

С делами он задержался в городе на день дольше, чем планировал, потому, что получил, как постоянный покупатель, бесплатное приглашение на выставку-аукцион новейшего физико-химического оборудования, где выгодно приобрёл и обновление для комплекса, и новую программную «начинку». Поэтому решил переночевать в гостинице и проехать на вокзал прямо из неё. Преодолевая очередную запутанную многоуровневую транспортную развязку, О'Бинг-Тонч представлял, как встретит друга, как они поедут перекусить или обедать (как пожелает Лесли), а потом отправятся на его остров, где к тому времени террасу и второй этаж уже должны будут застеклить.

А Греттхарт в это время стоял на перроне и поджидал свою каюту переброски, искоса наблюдая, как дождавшиеся входят в свои. Продвинулась вперёд восьмая, за ней девятая, десятая... Бесконечный поток.

— Лесли!

Греттхарт не обернулся. Он в отпуске, пусть хоть оборутся, все дела улажены и согласованы, остальное можно ре-

шить дистанционно. А каюта ждать не будет.

— Лесли! — его помощник и бывший студент, кудрявый длинноногий Малвелейнен, пробивался через потоки людей и вопил что есть мочи. — Срочная директива от Сообщества!

Так сокращённо назывался Всеобщий Союз живописцев и графиков.

Лесли опустил плечи и со страдальческим видом повернулся на крик. Нет, почему сейчас? Малвелейнен был уже близко и размахивал над головами пассажиров длинной своей рукой с красной папкой как флажком. Греттхарт повернулся к ползущим каютам и сделал безразличное лицо. Когда помощник подбежал к нему, он спокойно ответил:

— Это меня не касается.

Его каюта уже показалась вдалеке.

— Нет, как раз тебя и касается! — протараторил помощник, стараясь отдышаться. — Ведь это ты проводил в прошлом месяце... экскурсии по выставке на Гонге?

— Возможно, — отмахнулся Лесли, мысленно притягивая кабину, которая едва ползла. — А что, я там кому-то должен?

— Да, Броку и Доегдсу.

Греттхарт резко повернулся к помощнику — он в уме ли? Выхватил из тонких рук Малвелейнена папку и встряхнул, раскрывая.

— Это официальный протест и требование объяснений от

всех групп, что ты экскурсировал, — Малвелейнен утёр узкий лоб и, уперев руки в бока, огляделся по сторонам.

— Что? Восемнадцать тысяч триста девять посетителей?! — Греттхарт вчитался в сообщение и побледнел, недоумевая. — Они удивлены, как я мог о Бровокском «Магнетическом поле» рассказывать как о «Волнующем пейзаже» Доегдсу и наоборот?.. Невозможно, порядок экспозиции постоянен вот уже... кому и зачем понадобилось менять местами картины? Халатность или что похуже?

— Послушай, Лесли, я понимаю, человеку без специальных приспособлений они на самом деле кажутся одинаковыми...

«Можно подумать, ты их без ультразвуковых преобразователей различаешь!» — чуть не взорвался Греттхарт от такой снисходительности помощника.

— ... но в оргкомитете выставки считают, а в Сообществе с ними полностью согласны, что тебе следует вылететь туда как мож...

— В оргкомитете считают! — передразнил Греттхарт и рывкнул. — Я сам понимаю, что должен быть там!

Каюта перебросочной линии на Джепитракс медленно проползла мимо и скрылась в накопителе. Отпуск срывается...

Помощник сглотнул, сунул руки в карманы шорт и расстроенно уставился на Греттхарта.

— Малвелейнен, извини, — вздохнул Лесли и вернул помощнику папку, — прошу, сдай мой жетон на эту переброс-

ку и... — он быстро набрал комбинацию символов на сенсорном экране личного коммуникатора, в кармане помощника звякнуло, — переслал тебе адрес, сообщи на Джепитракс, что буду позже.

Не прощаясь, Лесли Греттхарт скрылся в потоке пассажиров к кассам. Малвелейнен скривился, почесал скулу и поплёлся сдавать жетон, а потом на телеграф.

Тем временем О'Бинг-Тонч изучил схемы заправок и дорожных развязок, потому что, бывало, они путешествовали по несколько дней, наскоро перекусил в фуд-холле вокзала и по объявлению автоинформатора направился к перрону прибытия.

Давно ушла в накопитель последняя кабина, а он всё стоял в растерянности. Сначала он подумал, что Лесли его разыгрывает, потом решил, что тот задумал какую-то мелкую пакость, как он однажды сделал. Но время шло, а ничего не происходило. В справочном автомате он узнал, что Лесли Греттхарт в списках пассажиров рейса I-93-71-005-07/7KKY «Нью-Терра — Джепитракс» не числится. Он пошлёт запрос на Нью-Терру? Нет, не пошлёт.

Случилось что? О'Бинг-Тонч доплёлся до машины и сел за руль. Да, скорее всего не смог сегодня, значит, послал ещё одну телеграмму. Конечно! А я-то, дурак, все три дня носа домой не казал!

О'Бинг-Тонч завёл мотор и вывернул руль вправо, к развязке в сторону пристани, возле которой находился паркинг,

где он всегда оставлял свой «Ксантоль».

— Извините! — подскочил к машине озабоченный молодой невысокий мужчина в льняных бриджах и короткой расстёгнутой светлой рубашке поверх ярко оранжевой майки. — Подбросите к территориальному вокзалу?

— Опаздываешь? — вяло поинтересовался соледобытчик, опуская боковое стекло. В салон вторгся насыщенный горячий воздух привокзальной площади.

Тот энергично закивал, переминаясь с ноги на ногу и переложил из руки в руку тёмный чемодан.

— Садись, — со вздохом разрешил О'Бинг-Тонч, открывая багажник и дверцу «Ксантоля»: парень показался ему искренним, территориальный вокзал всё равно был, в общем, по пути, так почему нет?

— Вот спасибо! — мужчина споро загрузил чемодан в багажник, который О'Бинг-Тонч тут же закрыл и щёлкнул зажиганием, мужчина уселся рядом с водителем, аккуратно захлопнув дверцу и извиняющимся тоном продолжил. — Знаете, такси не поймать, сегодня уйма народу...

— Лето ведь, — равнодушно ответил О'Бинг-Тонч, машина мягко покатила к повороту.

— А я думал, тут всегда так. В смысле погоды: всегда лето. Извините, я не астроном и не метеоролог.

— А кто? — О'Бинг-Тонч нахмурился: угораздило же посадить такого болтуна...

— Строитель-проектировщик, ЗемЖилСтрой, может

быть, слышали? Вы... хорошо себя чувствуете? — всполошился вдруг мужчина.

— Да, — О'Бинг-Тонч притормозил, пропуская транспорт по главной дороге. — В чём дело?

— Значит Вы расстроены... Я подумал, может быть, мне лучше выйти? — бог мой, какая предупредительность!

— Сиди, — раздражённый болтовнёй мужчины, О'Бинг-Тонч рывком переключил передачу. Да уж, раз день не задался с утра, нечего ждать от него милости к вечеру. — До местного вокзала я — твой единственный прямой транспорт. Тебя как зовут?

— Виталий Васильков, — неуверенно ответил тот и погладил ладонями бриджи, — а Вас?

О'Бинг-Тонч представился.

— Ух ты, вот как? Я о Вас слышал, но даже не надеялся когда-нибудь увидеть! — Мужчина поёрзал в кресле, — Вы автор популярной нано-добавки «Леденцовый букет» на основе солей серебра, магния и ...

— Да, да, да — оборвал его О'Бинг-Тонч чуть раздражённо, — всё верно, это я.

«Леденцовый букет» был его третьей разработкой, в полезности которой он очень сомневался и долго не хотел патентовать, но кто бы мог подумать, что именно она окажется такой востребованной у фармацевтов, производителей диетпитания и средств стоматогигиены!

Выехали на широкий пыльный мост стандартной мно-

гоуровневой развязки, пристроились к колонне машин с правого края. Пассажир деликатно молчал, О'Бинг-Тонч несколько успокоился, включил автопилот и пролистал ленту сообщений на карманном коммуникаторе, среди прочего увидев прогноз погоды: до конца недели обещают малооблачные ночи, дневную жару и отличную температуру воды на побережьях, самое время для отпускников и студенческих вечеринок.

Впереди послышался отдалённый гром, О'Бинг-Тонч с удивлением увидел в лобовом стекле расплзающиеся на горизонте тучи, вдалеке над соломенно-жёлтой лесополосой полыхнула молния. Вот так прогноз, подумал О'Бинг-Тонч, вот это, я понимаю, точность метеорологов...

— Далеко ещё? — спросил вдруг строитель, непроизвольно передёрнув плечами.

— Полчаса езды, — О'Бинг-Тонч уловил нервозность случайного попутчика и попытался угадать, чего тот боится больше: грозы или его самого? Решил сгладить атмосферу. — Какими судьбами с Земли и к нам?

— Как Вы догадались, что... А, — Виталий прищёпнул себя по лбу и заулыбался открытой улыбкой, — я сам сказал про ЗемЖилСтрой. Обмен опытом, повышение квалификации, недельный курс.

— Впервые на Джепитраксе?

— Да, видимо джепитраксы готовы чем-то нас поразить, потому что обычно такие мероприятия устраивают на цен-

тральных планетах...

— Девушка есть? — снова перебил О'Бинг-Тонч.

— Невеста, — Виталий покраснел, — художница.

— В самом деле? — оживился О'Бинг-Тонч. — У меня друг художник. Лесли Греттхарт, знакомое имя?

— Прямо день сюрпризов! — строитель хлопнул в ладоши и повернулся к нему всем корпусом. — Конечно, знакомо и не только имя! Он же выставку два года назад организовывал, там мы с Антониной и познакомились.

— О, он был бы рад узнать, что на его выставке встретились двое, чтобы никогда не расставаться, — он улыбнулся, и на душе у Василькова полегчало: наконец-то оттаял...

Мост разделился на четыре двухполосных магистрали, крайняя левая круто поднималась, обе средние шли прямо, крайняя правая, по которой двигались они, вела вниз и совсем скоро разделилась напополам: левая половина по-прежнему уходила прямо вниз, правая начала по кругу спускаться к лесу. О'Бинг-Тонч переключил машину на ручное управление, хотя по этой полосе их автомобиль двигался совершенно один. Молодой строитель крутился во все стороны, восхищённо разглядывая конструкции развязки. О'Бинг-Тонч, наблюдая краем глаза за Васильковым, поинтересовался:

— На Земле такого нет, верно?

— Верно, — протянул он, округлив глаза, — и у нас, и на центральных планетах предпочитают воздушные, водные

и подземные пути передвижения, сушу занимают жилые сектора, культурные и спортивные сооружения, высокоточное производство, а в основном растительный и животный мир. А здесь, оказывается, настоящий строительный заказник!

Плавный спуск по кругу — и вот они едут вдоль леса. Теперь Виталий во все глаза разглядывал почти прозрачные высоченные соломенно-жёлтые деревья над оврагами, которые были похожи на облитые краской, настолько слились в ровном цвете листья, ветви и могучий ствол. Деревья казались фантазией ботаника-маньяка, каким способом эти громадины себя кормили без фотосинтеза, было абсолютной загадкой. «Интересно, — думал строитель, — какие у них корни? Тоже жёлтые?» Но докопаться до них не было никакой возможности.

Дорога свернула в этот странный лес без кустарников, молодой поросли и практически без тени — только густо растущие взрослые деревья высотой примерно метров восемь-десять и толщиной ствола в полтора-два обхвата — и начала петлять между ними. Тучи сгущались, стало темнее. Полыхнула молния, вот-вот начнётся ливень. О'Бинг-Тонч снизил скорость: не хватало ещё на мокрой дороге слететь в кювет. И ведь помочь будет некому, судя по тому, что до сих пор им никто не встретился, а мобильного сервиса пока дождётся...

За новым поворотом показался холм, по которому дорога плавно поднималась, огибая его по дуге. Холм был сплошь

усеян частыми тёмными коричнево-красными всходами: это жёлтые деревья успели его засеять, а всё из-за того, что на холме в середине весны вырубил шмелёвник, который эти деревья сдерживал — зачем только? Древесина-то у шмелёвника сущая безделица: кора да труха, зато от него хоть тень была, а главное цветы — медонос, каких сыскать проблема, с ранней весны цветёт до первого снега. Да пусть лучше пчела ужалит или шмель, чем пакость эта со всех сторон светится как студень. Да его так в народе и прозвали – «ядовитый студень», сажают из-за того, что надёжно сцепляет почву и не даёт разрастаться оврагам. Поделки из него, правда, выходят как из янтаря, вонючие только, года по два на усиленной вентиляции проветриваются, пропитку, что ли, какую для него изобрести...

Они въехали на холм, вдруг машину тряхнуло и завертело. Ремни безопасности ослабли, Василькова ударило головой о низкую крышу «Ксанталя», строитель потерял сознание на миг, очнувшись, нащупал и подёргал рычаг дверки — заклинило. Кружилась голова, шумело в ушах, в глазах временами мелькали тени и круги, показалось, что машина крутится в трёх плоскостях. В боковом зеркале он увидел, как открылся багажник, чемодан вылетел из него куда-то в сторону и вверх.

Со стороны водительского сиденья слышалось хрипение. Виталий повернулся к О'Бинг-Тончу и похолодел — тот бился в судорогах и синел на глазах, ухватившись за галстук,

который, пока машина кувыркалась в воздухе, зацепился за зеркало заднего вида в салоне. Васильков ледяными пальцами попытался ослабить на шее водителя галстук, но узел оказался хитрее, размотать галстук на кронштейне тоже не получалось, его можно было только разрезать, но чем? Виталий отстегнулся и, преодолевая слабость, принялся лазать по бардачкам в поисках ножа или чего-нибудь режущего — ничего подходящего не было, в карманах теряющего сознание О'Бинг-Тонча тоже. Тогда Виталий ухватился за кронштейн зеркала и изо всех сил дёрнул, надеясь, что зеркало отлетит, или кронштейн развалится — не тут-то было: О'Бинг-Тонч, как истинный хозяин, намертво его закрепил.

Машину дёрнуло и завертело быстрее, стало почти совсем темно, со всех сторон полыхали молнии, Васильков понял, что они попали в смерч. Виталий дрожащей рукой вынул из кармана ... связи не было. Он снова налёг на дверцу и увидел, что земля быстро приближается, машину развернуло, шандарахнуло багажником и снова начало поднимать. Виталий очутился на заднем сиденье, куда его вдавили перегрузки, когда же он смог двигаться и посмотрел на О'Бинг-Тонча, его обмякшее тело болтало из стороны в сторону на обмотавшемся вокруг кронштейна галстуке.

«Ксантоль» снова завертелся и ударился о землю, задняя дверь распахнулась, Васильков выскользнул из машины и откатился в дренажную канаву посреди тёмно-красной древесной поросли, закрыв голову руками. Он слышал свист, рокот

грома и странные, ни на что не похожие звуки. С ужасным треском, визгом и звоном изуродованный «Ксантоль» процарапал дорожное покрытие, разорвал ограждение и рухнул вниз, по склону холма, в лес.

Всё стихло, только клаксон прерывисто верещал. Виталий понял: тело О'Бинг-Тонча придавило кнопку на руле.

Виталий медленно поднял голову, готовый в любой момент укрыться в канаве. Осмотрелся. Он лежит почти на вершине холма, вдалеке шумит громадная транспортная эстакада, то, что осталось от золотисто-розового «Ксантоля» верещит теперь в прозрачном соломенно-жёлтом лесу, поблизости ни души, метрах в пятнадцати на склоне холма валяется чемодан (надёжная система замков не дала раскрыться при ударе о землю). Ничего себе: сел в попутную машину, время сэкономил...

Стало очень холодно, совсем близко ударила молния, громыхнул гром, ветер ударил в спину редкими крупными каплями. Василькова колотило и тошнило, он неуклюже выбрался из канавы, потирая ушибы, порылся в карманах в поисках карманного ... — нужно было сообщить об аварии, но, видимо, его телефон валяется где-то на холме, его сейчас не найти. Начался сильный дождь, Виталий, дрожа и сгорбившись, доковылял против ветра до чемодана, кое-как достал куртку с капюшоном и непромокаемые брюки, натянул поверх испачканной одежды и огляделся в поисках убежища.

С этой стороны холма ничего подходящего не нашлось,

Васильков, прикрываясь чемоданом от ледяных струй, пошёл вверх по дороге, в надежде найти укрытие или помощь по ту сторону холма. За поворотом выяснилось, что дорога пересекает другую, построенную по касательной к холму, по ней медленно двигался длинный грузовик. Васильков со слабой надеждой махнул, водитель плавно затормозил — надо же, увидел! Виталий, насколько было возможно, быстро взобрался в кабину и втащил чемодан.

— Не самое лучшее время для прогулки, — сказал лохматый водитель, сочувственно глядя на него сквозь огромные в пол-лица непрозрачные очки и включая обогреватель.

— Да, — едва разводя губы, ответил Васильков, — большое спасибо...

Он хотел сразу рассказать водителю об аварии и уже протянул руку в сторону холма, но внезапно охвативший его ужас сковал челюсти, так он и ехал, молча, сжавшись в комок и дрожа.

Водитель в клетчатой рубаше с закатанными рукавами искоса поглядывал на него: «Станный какой-то, случилось что с ним?» но вслух ничего не сказал.

Внезапно тучи словно отступили, грузовик вынырнул в розовый солнечный день.

— Чудеса-а, — протянул водитель, имея в виду погоду, он выключил дворники и активировал светофильтр, — сколько езжу, никогда такого не видел.

Васильков вяло кивнул в ответ: от яркого света его заму-

тило, и он понял, что теряет сознание...

Глава 2

Когда в начале рабочего дня в малый кабинет начальника департамента архитектуры и проектирования ЗемЖилСтроя вошёл без доклада высокий атлетически сложенный мужчина в свободных оранжевых одеждах, оранжевой высокой шапочке на выбритой макушке и с бесстрастным выражением лица, начальник медленно непроизвольно встал из-за стола. Посетитель чинно поднёс ладони к глазам, к груди и снова к глазам и медленно опустил руки вдоль туловища, ожидая ответных действий. Начальник в недоумении поклонился, пригласил визитёра присесть в низкое кресло за журнальным столиком и вышел к нему из-за рабочего стола. Он сразу понял, что визит ему наносит не просто уполномоченный представитель планеты Джепитракс — его изволил посетить сотрудник особой полиции, а судя по второму прикосновению к глазам, связанный ещё и с межпланетной уголовной полицией.

Посетитель в оранжевом от приглашения присесть отказался и, видя, что в представлении не нуждается, с порога начал:

— Ваш сотрудник, Васильков Виталий, обвиняется в убийстве гражданина и предпринимателя планеты Джепитракс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.